

БАКУ
(Вечерний выпуск)
г. Баку

Штрихи к портрету

ЖИЗНЕРАДОСТНЫЙ «ПРИЦЕЛЬНО»

Это — о таланте. Антрисы. Эпитет из возможных, пожалуй, емкий наиболее...

Задумываюсь о творчестве артистки «в целом», т. е. о его обобщенном, так сказать, «типическом лице», и всякий раз передо мною первым планом возникает лицо Вавочки («Голубая рапсодия»), во всяком случае что-то близкое к ее образу-лицу: звонногласное, оно не только видится, но и «звучит»; я вижу глаза озорно-веселые во все лицо, взрзлет; и слышу — слышу смех заливиристо-раскатиный, невероятно заразительный. Это лицо-образ словно заражено мечтой о жизни — «голубой рапсодии», избытком «бьющей ключом» молодой энергии, счастливого-радостного мироощущения и оттого столь звонко и весело хочется, но и умеющее вдруг смолкнуть и... остановиться взглядом на своей «голубой мечте» пылливо-взыскующе и требовательно...

И социально, психологически полярно противоположная по-годинской Вавочке — Хесьна. Колтунова играла ее, буквально «нупаясь» в комедийно-сатирической стихии спектакля («Мораль пани Дульской»), буд-то искрящийся смехом и... восторгом — хорошо, славно эдак хлестко высмеять Хеську, извращенного гаденыша, отпрыска пошлой буржуазно-мещанской семейки!

Точная «прицельность» мировосприятия подсказывает и жанровую природу образа, и верность морально-эстетических оценок.

Одному рецензенту не понравилось, как решалась роль Маши Шаираевой (в чеховской «Чайке»), якобы непропорционально лихенной у Колтуновой привлекательности, женственности. Но обреченность Маши на безответность в любви, на пустоту существования — с ее жаждой полноты! — разве не должно было это сделать ее именно такой угловатой, непритяжательно мечущейся по замкнутому кругу и катастрофически теряющей вкус к жизни, красоте?..

И не той ли притязательно-стыго этого сотворенного арти-

сткой «собирающего» лица к совести судьбы, что не смирится ни с какой ее неправдой игрой во зло человеку, женщине, вызвана взыскующая острота ряда сценических портретов «кисти» Колтуновой? Например, баронессы Штраль в «Маскараде»? Неожиданное баронессино коварство в резком контрасте с ее изысканным аристократизмом вызвало у зрителя прямо-таки оцепене-

ние... В утверждении гуманистически деятельного, активного начала — суть многих художественных решений Г. Колтуновой, особенно — в образе Нилы («Барабанщица»). Героичность ее нравственной активности дает себя знать не только в исполнении отважной разведчицы ее прямых задач, но и в немзыслимом, казалась бы: нацеленности воли, способной вызвать из собственной души какие-то лучи-сигналы, неощутимые для недругов и сверхчувствительные для своих, советских людей, вызывающие к их помощи доверием...

Нила — один из характернейших штрихов к творческому портрету антрисы, одно из зрелых достижений ее художественного опыта. И, как таковое, оно должно было иметь свое начало и свое продолжение. Начало... Трудно сказать, в каком именно образе, а может, не в одном... Но все же самым первым память подсказывает — Назлы! Из «Утра Востока» Э. Мамедханлы... Назлы жизнерадостная. Эта черта характера, столь близкая индивидуальности артистки, с наслаждением и блеском интерпретируется ею «напрямую», как способность (нет — талант!) Назлы — бурно, весело радоваться жизни; но не «просто жизни», а такой, которая звала идти вместе с Мустафой, большинком-полющником, нареченным, любимым... Режиссеру Тофику Кязимову, а вместе с ним нашей артистке, было важно и дорого показать духовный взлет этой простодушной и наивнейшей деревенской девушки к сознательному постижению интересов народа. И это было неотделимо от ее колоритного национального характера, что отмечалось рецензентами и азербайджанскими, и русскими — истами, в столичной печати во время Декады азербайджанского искусства в Москве (1969), когда состоялась встреча Назлы со столичным зрителем, по достоинству оценившим подвиг ее, «повенчанной» с революцией и вставшей

рядом с Мустафой в ряды ее бойцов... В связи с декадой Галина Борисовна награждается орденом «Знак Почета». Шутя она тогда сказала: «Это нам с Назлы», и в том была доля истины, очень дорогой антрисе.

Назлы... Это — до Нилы. Потом были другие ее сестры. По духу. По «группе крови». По отечеству...

Но вот, казалось бы, столь далекая от них Илуминада из дореволюционной Кубы — одна из последних работ антрисы. И она, трагическая клоуница, с ее даром самоотверженности определяет художественный «нерв» спектакля («Точий приз»), как определили его своим эмоционально-нравственным настроем наиболее «типичные» героини Колтуновой. Ее Илуминада убеждает, что именно она — олицетворение подлинно народного характера, она, а не арифметическое большинство вокруг нее очерствевших и оскудевших сердцем людей, тоже обездоленных, но не выдержавших испытания нуждой, лишениями. Эта роль вызывает на раздумье, — насколько верно, что она — антриса преимущественно комедийного плана. Да, открытой и веселой по натуре, склонной к юмору и шутке, артистке, быть может, доставляло особенное удовольствие играть в комедии. Хотя, как мы видели, качества, наиболее характерные для ее таланта и ставшие «второй натурой», ярко, искрометно проявляли себя и в образах иного жанрового склада.

С годами Колтунова стала чувствительней воспринимать «трудные» судьбы, глубже, «пристрастнее» вникать в истоки драматизма. Более того, при двух возможных «кренках» в решении — комедийном или драматическом, — она подчас отдаст предпочтение последнему. Так, пожалуй, более драматична, чем смешна, растерянность ее Карминой перед лицом судьбы, на которую она, хлопоча о счастье дочери, столь беспомощно уповает («Женитьба Белугина»).... У Колтуновой вина матери Валентины («Валентина» и «Валентина») почти трагична в своем самозабвении, заблуждении, и тем самым, быть может, — еще «отчаянней» вызывает к пониманию — и устранению — ее истоков. Ту же, в сущности, беду испытывает и Сола ханум, не умея соотносить неистовую свою любовь к детям с общественным сознанием, крайне у нее неразвитым, — эту беду артистка играет как опустошающую, на грани

моральной катастрофы («Кто придет в полночь»).

Совместима ли такая (явно большая, чем в прежние годы) склонность к драматизму с талантом — жизнерадостным, как мы с самого начала обозначили его природу? Настолько же, насколько драматизм совместим (что ни у кого не вызовет сомнений) с оптимистически жизнеутверждающей позицией артиста, как художника.

Есть, однако, некоторые тревожные симптомы... ослабления в ее таланте, так сказать, художнического иммунитета к личным настроениям, склоняющим порой к излишней драматизации жизненных явлений. Стоп — личное! — зона запретная для критики. И все же, как тут не заметить: светлую жизнелюбивую основу таланта, как зеницу ока, оберегать надо от воздействия всяких личных неурядиц, обид, неудовлетворенности (что из нас застрахован от всего этого)... Были случаи... Вдруг в глазах ее героини появляется нечто «чужое», заставляющее насторожиться, встревожиться... Некий тусклый отблеск какой-то утери света в личном мироощущении. Не «от образа», а «от себя»... И что интересно, — это сказывается не в усилении, а в ослаблении драматического начала... Парадокс, наложивший свою мету на образ Екатерины Васильевны (в «Другой» С. Алешина). Артистка вошла в него горькую ироничность, в которой драма Кати находила своего рода отдушину. Но... ценной некоторого притупления остроты ощущения этой драмы и, стало быть, драмы потери вместе с любовью жизненной полноты...

Таланту Г. Колтуновой с его «прицельностью» по плечу точность, полновесность и комедийных, и драматических решений, при неизменном оптимизме жизнеутверждения.

Приближающийся славный юбилей — 100-летие азербайджанского театра — и наш праздник, праздник русского театра, праздник всех театров и всех артистов Азербайджана. Каждый из них, в том числе заслуженная артистка Азербайджанской ССР Г. Б. Колтунова, гордится тем личным вкладом, который они внесли в развитие театрального искусства республики. В эти дни русской антрисе особенно приятно записать в свой творческий актив роли, сыгранные в пьесах азербайджанской драматургии. Г. Колтунова неизменно играла в них с полной отдачей всех сил. Одно из подтверждений тому — роль Назлы, на которой мы выше останавливались... Кроме нее и других упомянутых ролей, это — Фитне в «Фархаде и Ширин» С. Вургун, Гюляр в «Счастливах» Сабита Рахмана, Вановша в «Деврендине» Мирзы Ибрагимова, Рафига в «Море любит отважных» И. Касумова и Г. Сеидбейли, Шаргия в «Зачем ты живешь» (текст авторов).

Г. Колтуновой свойственны строгая взыскательность к себе, как художнику сцены, творческая «ненасытность»...
Вал. БОГУСЛАВСКИЙ.